

Ван Клиберн

18 марта 1958 года открылся Первый Международный конкурс музыкантов имени Чайковского. Еще пять лет назад такая возможность никому и в голову не приходила. Да никто бы к нам и не поехал. Теперь «их» пригласили – «они» приехали, и ничего не случилось. Вернее случилось: на конкурсе лучшим исполнителем Первого концерта Чайковского стал молодой вихрастый 23-летний техасец Харви Ван Клиберн. Он выделился сразу, с первого подхода к роялю.

11 апреля в третьем туре Ван Клиберн играл первым. Переполненный Большой зал консерватории устроил бурную овацию, длившуюся несколько минут. Зал скандировал: «Первая премия, первая премия». В нарушение правил, жюри конкурса, все его члены, стоя аплодировали исполнителю. В Министерстве культуры забеспокоились. «Вокруг выступления Вана Клиберна создается ажиотаж, неверное настроение среди некоторой части музыкальной общественности о якобы возможной необъективности оценки его творчества», – докладывал в ЦК заместитель министра С. В.Кафтанов. В ЦК возникла идея разделить первую премию между Ван Клиберном и его советским конкурентом, тоже отличным пианистом Львом Власенко. В свою очередь, Кафтанов осторожно предупредил, что ничего, кроме вреда и позора, эта затея не принесет, авторитет Московского конкурса будет похоронен навсегда.

12 апреля 1958 года о назревающем скандале доложили секретарю ЦК Фурцевой. Недавно, 24 января, Московская партийная конференция благословила ее на полный переход в ЦК, и там она теперь, несколько потеснив Суслова, занималась культурой. Екатерине Алексеевне предстояло решить, станет ли Ван Клиберн единственным победителем конкурса или разделит победу с Власенко. Идеологи, в том числе и Суслов, считали победу американца своим идеологическим, поражением. Они даже попытались прощупать почву, неофициально побеседовали с советскими членами жюри – пианистом Эмилем Гилельсом и композитором Дмитрием Кабалевским, но наткнулись на решительный отказ. Кабалевский, вслед за Кафтановым, заявил, что такое решение – смертный приговор конкурсу, и он без письменного указания ЦК за него голосовать отказывается.

Суслов побежал к Хрущеву, но Фурцева его опередила, ей не хотелось брать на себя ответственность за окончательное решение, и она тоже пошла советоваться. Когда Суслов вошел в кабинет, отец читал справку Кафтанова, Фурцева расположилась рядом. Суслов присел напротив нее по другую сторону стола. Фурцеву он не любил, к тому же ее переход в ЦК рассматривал как подкоп под собственные позиции. Закончив чтение, отец вопросительно посмотрел на Суслова.

– Жюри настаивает на Клиберне, но... – начал Михаил Андреевич.

– Кафтанов прав, если мы попытаемся нажать на жюри, произойдет катастрофа, его иностранные члены просто развернутся и уедут из Москвы, – перебила его Фурцева.

– Он же американец! – не сдавался Суслов.

– Но школа игры у него наша, российская, Клиберн учился в США у профессора Левиной, а она, в свою очередь, выходец из школы Сафонова, – вновь вмешалась Фурцева. Она хорошо подготовилась к разговору.

Суслов попытался продолжить, но отец уже принял решение.

– Раз жюри настаивает, то не надо нам вмешиваться. Они профессионалы. А то, что победил американец, даже хорошо, покажем миру нашу непредвзятость, – подвел итог отец и улыбнулся.

Суслов подавленно молчал.

– У вас все? – сухо осведомился отец. Посетители откланялись. На следующий день, 13 апреля, огласили результаты. Победил Ван Клиберн.

В США, особенно в Техасе, это известие вызвало восторг, но еще большее впечатление оно произвело в Москве. Ван Клиберн в одночасье стал кумиром всей Москвы.

Вечером 14 апреля призеры давали заключительный концерт в Большом зале консерватории. Клиберн играл отлично, отец слушал, умиротворенно склонив голову на бок, почти упираясь подбородком в руки, лежавшие на барьере ложи. У меня сохранились фотографии: Клиберн у рояля и слушающий его, затаив дыхание, отец. Рядом с ним сидит королева Бельгии Елизавета, та самая, с которой так неудачно переписывался Ворошилов. Она специально приехала на конкурс.

На самое последнее из нескончаемых бисирований Клиберн сыграл «Подмосковные вечера». Зал, сдержанный зал Московской консерватории, ревел. Наконец, все успокоились, потянулись к выходу, а отец пошел за кулисы знакомиться с «американским чудом». «Чудом» оказался тощий, улыбчивый, почти на две головы выше отца юноша. Отец обнял Клиберна и, улыбаясь, задрал голову. Сверху, в ответ, улыбался Клиберн.

– Дрожжами вас там, что ли, кормят в Техасе? – пошутил отец.

Клиберн не понял перевода, при чем тут «дрожжи»? Улыбка его стала недоуменной. Пришлось объяснить.

Через четыре года, в 1962 году, Клиберн вновь приехал в Москву, теперь уже почетным гостем Конкурса имени Чайковского. Москва ждала его с замиранием. После завершения конкурса Ван Клиберн почти два месяца концертировал в разных городах и в середине июня вернулся в Москву.

В субботу, 16 июня, Клиберн вновь играл в Большом зале консерватории. Отец, как и в 1958 году, снова был на его концерте. После концерта он пригласил пианиста на дачу в Горки-9, где они провели вместе целое воскресенье, гуляли над Москвой-рекой, потом прокатились на катере, пообедали. Но это совсем другая история.

В 1999 году я выступал с лекцией в Техасе, в Далласе, за ней последовал благотворительный обед, собирали деньги на городской музей-мемориал президента Джона Кеннеди. На обеде мне довелось после 37-летнего перерыва повстречаться с Клиберном, погрузневшим и постаревшим, но с такой же обаятельной улыбкой. Мы обнялись, я назвал его пра-

вильно – Клайберном, он в притворном ужасе замахал руками: «Нет, нет, я – Клиберн, для русских я всегда Клиберн». Он подошел к роялю и заиграл «Подмосковные вечера».

Потом устроители обеда рассказали мне, что пианист недавно похоронил мать, которую очень любил, живет отшельником, никого не принимает, никуда не выезжает. На обед его выманили только фамилией «Хрущев».